

Так говорил о себе отец. Он нигде не хотел жить, кроме Дальнего Востока. Все везде казалось ему чужим, вызывало ностальгию, и только родные просторы трогали его душу до слез. «Много стран в эти годы видали мы, по дорогам солдатским пыля, только нам и за дальними далями снилась наша родная земля» — Петр Комаров написал это как будто про моего отца.

На работу над первой своей книгой «Медвежий вал» ушло семь тяжелых лет, это и муки творчества, и издательские мытарства. Только благодаря маме он смог это вынести, она всегда верила в него и поддерживала всеми силами своей души.

Наконец свобода, и папа уходит в странствия по Хабаровскому краю. Санатории, курорты и прочий организованный отдых презирал. Ему нужна была дикая, первозданная природа, где не ступала нога человека. Каждый отпуск он проводит в различных экспедициях, куда его приглашали друзья-товарищи. Человек бывалый, легкий на подъем, с покладистым характером, я думаю, он не был обузой в трудных походах.

Как правило, сборы не занимали много времени. Старая фетровая шляпа, телогрейка, кирзовые сапоги, фронтальная плащ-палатка — вот и вся амуниция. С собой брал на первое время мешочек крупы, сухари, чуть-чуть сахара, заварку для чая, кусок сала. Ну и, конечно, маленький фанерный этюдник, который сделал сам, и краски. Никогда не носил ружье, хотя оно и имелось, потому что не любил охотиться, жалел зверей.

Свято чтит таежные заповеди. Если ночевали в зимовье, он, уходя, подметал пол, оставлял соль, спички, крупу. Когда его пускали на ночлег, вставал рано утром, чтобы хозяевам нарубить дров, натаскать воды или сложить рассыпавшуюся поленницу. Например, на Амгуни, где жили старoverы, папу охотно принимали в любом доме, потому что он не курил и не пил.

Три раза спускался по Амуру от Хабаровска до Николаевска на весельной лодке под самодельным парусом. Обычно мужики покупали вскладчину вдвоем или втроем самую дешевую шлюпку, сами ее ремонтировали и конопатили. Итогом этих впечатлений стали книжки «Путешествие на «Скорлупке», «Дневник летних странствий», «Амурское ожерелье».

К вершине Баджала отец прошел по пути автора книги «Фрегат «Паллада», куда Ивана Гончарова эвенки затаскивали на кушаках.

В истоке реки Герби папа написал этюд «Красные камни», который печатался в столичных журналах. Он собрал во флакончик из-под пенициллина образцы кроваво-красного мха, им были покрыты все валуны по берегам речки. Зрелище потрясающе-жуткое. Но ученые вынесли вердикт, что мох науке известен, а его необычная окраска вызвана перепадом температур. Здесь ледяное дыхание вершин, покрытых снегом, смешивалось с июльским зноем.

Есть такое растение — плектрантус. Осенью одревенелый корень, еще не скованный морозом, гонит соки в уже засохший стебель. А они брызжут в стороны и застывают причудливыми лентами и пучками инея. Отец первым рассказал про невероятные ледяные цветы в своей книге «Лесные узоры», а потом это явление открыли и описали наши ботаники.

До сих пор не понимаю, как он с плохим зрением мог заметить малейшее движение в природе — и белку на дереве, и юркнувшего бурундука, и кукушкин сапожок в чаще, и пролетающих птиц. Наверное, это какая-то своеобразная зоркость души и сердца. Папа любил наши таежные дебри, бездонное небо, знал все виды облаков даже на латыни, флору и фауну. В его книгах много прекрасных пейзажей, он умел живописать словами, потому что был художником.

Дальневосточная природа на протяжении всей его долгой жизни оставалась не только радостью, утешением, исцелением, но и вечной тревогой, печалью. Отсюда в каждой книге призывы к читателю беречь ее хрупкую и щедрую красоту. Но в наше время, к большому сожалению, это не более, чем глас вопиющего в пустыне.

Отец хоть и написал книжку «Праздные наблюдения», но был совсем не праздным человеком. Он никогда не знал безделья, ведь столько интересных занятий — писательство, живопись (масло и акварель, графика), резьба по дереву и камню, чеканка, корнепластика, отливка медных барельефов и много чего еще. Четкий распорядок дня: в девять часов уже за рабочим столом, перерыв на обед, и снова за работу до вечера. И так почти до самой смерти.

Всю жизнь избегал больниц: как ребенок, боялся уколов и не пил таблетки. И строго мне наказал: буду умирать, не вздумай меня спасать, никаких операций. Он прожил счастливую жизнь и умер во сне.

...А костер оказался и вправду последним. Отец пережил маму на два года. Когда ее не стало, он часто говорил, что пора уходить, что потерял смысл жизни. Сначала я не воспринимала эти слова всерьез, думала, это депрессия от нехватки общения, время залечит утрату. И вдруг папа засобирался в тайгу. Требовал отвезти его на Бурею, в Кукан или Аян (там он бывал в молодости), в конце концов, куда глаза глядят. И только сейчас, перечитывая последнюю книгу «Ноев ковчег», которая вышла к его девяностолетию, меня осенило. Давний очарованный странник мечтал встретить свой последний час в тайге, поэтому так одержимо туда и стремился.

